

ПО СОВЕТУ ТУРГЕНЕВА

МАРИЯ Гавриловна Савина...

Ее имя гремело на подмостках театральной России, сначала в провинции, а затем на столичной сцене. В 1874 году она поступила в труппу Александринского театра (ныне академический театр имени А. С. Пушкина) в Петербурге, где работала до конца жизни.

Савина создавала блестящие, полные непосредственной прелести, психологически тонкие образы в пьесах Тургенева, Островского, Гоголя.

Еще в молодости Савина встретила с Тургеневым. Это произошло весной 1879 года. Молодая актриса покорила писателя необыкновенным талантом.

Впервые он увидел ее в своей пьесе «Месяц в деревне». Как и все тогда, он считал эту пьесу леважской, не считая роль Верочки — бесцветной, и то, что Савина раскрыла в этой роли, явилось для него полным открытием.

— Верочка!.. Неужели эту Верочку я написал?! Я даже не обращал на нее внимания, ко-

гда писал... Вы живая Верочка, — сказал он Савиной после третьего акта.

Наутро он был у нее с визитом. Редко кто оставался нечувствительным к обаянию незаурядной личности Савиной. Трудно было устоять перед ее всепобеждающей женственностью, острым ироничным умом. К слову сказать, этим качеством Марии Гавриловны отдал должное и Лев Толстой: побеседовав с нею, он затем признался домашним, что зря смеялся над Тургеневым, влюбившимся на старости лет в «актерку», и за ужином все повторил:

— Нет, знаешь, это счастье, что я стар. Она прелестна!.. Вся насквозь умница.

Тургенев старался не пропускать спектаклей с участием Савиной. Он уговаривал актрису описать пережитое и однажды преподнес ей весьма обя-

зующий подарок: красивую, с золотым обрезом тетрадь-альбом в синем переплете, с ключиком и замочком — специально для записи воспоминаний.

Работа над мемуарами стала для Савиной чем-то вроде иррационального долга перед ее великим другом.

Но когда ей было писать? Время у знаменитой петербургской актрисы уплотнено до предела. «Жизнь моя похожа на заведенную машину», — говорила она.

Только в 1883 году после сумасшедшего, как всегда, зимнего сезона у нее выпали на редкость спокойные дни. То была вообще счастливейшая полоса ее жизни. Бурный пятилетний роман с Никитой Всеволожским, офицером Конного полка, завершился в 1882 году законным браком. Позади остался трудный, затянувшийся развод с первым мужем. На короткое

время перестали терзать и денежные заботы: выделенная Н. Н. Всеволожскому часть наследства представляла собой громадное имение Сива в Пермской губернии. Чудесная уральская природа покорила Савину. В полном одиночестве целыми днями сидела она у любимого места: крутого и высокого обрыва, заросшего гигантскими елями. С этого обрыва открывался чудесный вид на бегущую внизу Сиву, окаймленную лесом и полями. Стояла волшебная, зачарованная тишина, нарушаемая лишь пением птиц. Стали оживать воспоминания, и Савина взялась за перо. Подаренную Тургеневым «синюю книгу» она благоговейно сохранила нетронутой (лишь через пятнадцать лет внесла туда воспоминания о встречах с ним). А все, о чем вспоминалось в Сиве, переписывала в другую, черную кожаную с серебря-

ной монограммой тетрадь, зашившуюся маленьким стальным ключиком. Писала быстро, ровным, тонким почерком, уверенно, почти без помарок.

Повесть своей жизни она довела до 1877 года. Позднее артистка много раз обещала разобрать свой обширный архив для продолжения автобиографических записей. В письме известному петербургскому юристу А. Ф. Кони она, в частности, сообщила:

«Приехав в Сиву, целую неделю не могла прийти в себя от усталости... Отдохнув собираюсь заняться разборкой моих бумаг (привезла целый сундук — за четыре года), что займет, пожалуй, недели две».

И все-таки черная кожаная тетрадь оказалась исписанной лишь наполовину — не хватало времени! Как дорогую реликвию оберегала Савина свою ру-

копись от посторонних глаз и всегда запирала на ключ. Она гордилась своей славой, знала цену популярности, но, чуждая саморекламе и сенсации, не желала выставлять напоказ свою интимную жизнь. Напрасно М. И. Семевский, издатель журнала «Русская старина», вновь и вновь просил разрешения напечатать мемуары. Савина оставалась непреклонной: «Мне еще рано на кладбище», — отшучивалась она.

Лишь через двенадцать лет после смерти артистки историк театра А. М. Брянский опубликовал ее воспоминания, озаглавив их «Горести и скитания». Эта книга вышла в Ленинграде в 1927 году и давно уже стала библиографической редкостью. В 1961 году мемуары Марии Гавриловны Савиной вновь были напечатаны по сивинской рукописи, хранящейся в настоящее время в Центральном государственном архиве в Ленинграде, с восстановлением небольших купюр, допущенных при первом издании.

П. ОГИБЕНИН.

ВЕЧЕРНИЙ ПЕРМЬ
г. ПЕРМЬ

7 DEK 1970